

Вероятно, все наши тревоги, несчётные проблемы и болезненные противостояния происходят оттого, что мы накопили слишком много «знания», а старик Экклезиаст вон ещё когда предупреждал, что «во многом знании много печали». Мы теряемся в метели понятий.

Заглянешь во Владимира Иваныча Даля, а там «культура — обработка и уход, возделывание умственное и нравственное». Маловато. Ну, значит, надо идти к всезнающему интернету. А там:

В 1952 г. американские культурологи А. Крёбер и К. Клакхон, систематизируя известные им определения культуры, насчитали 164 определения. В 1970-е гг. число определений достигло 300, в 1990-е гг. превысило 500. В настоящее время их насчитывается около 1000, что не удивительно, так как культурой

является всё, созданное человеком, весь человеческий мир.

Нет, уж лучше остаться с Дадлем, что культура — умная почва и понимать культуру, как живое целое, единое духовное, даже национально-духовное пространство, складывающееся в истории с органической естественностью.

Напишут умные систематизаторы в определении начальное латинское «возделывание» и поскорее прочь от него, земного, от возделывания почвы к тонкостям всех человеческих деяний — от культуры взращивания микробов до имперских культур. А может, от почвы-то и не бегать так скоро, а услышать это земное объединяющее понятие, и тогда и в самом простом противополжении столичной и провинциальной культур на минуту споткнёшься: почва-то она ведь везде почва, основа. Всё на земле стоит и Геликон-опера, и скамейка у деревенского клуба, храм Христа Спасителя и покосившаяся часовня на развилке дорог под одним небом в одном человечестве. В этом последнем случае небо поднимется в своём высшем смысле, и поневоле улыбнёшься, вспомнив чью-то блестящую и тайно горькую шутку, что, если от «культуры» отнять корень «культ», то от неё останется одно пустое «ура». Коли бы корень этот не убирать, многое бы стало на место во всей тысяче определений.

Временами начинает казаться, что простоте и культуре, как

почве, объявлена война, потому что за простотой и земной ясностью не спрячешься. Вот хоть самое простое и такое внешне убедительное противопоставление «культура-натура», человеческое и природное, возделанное и данное. Чем больше столичная-то культура и кичится перед провинциальной, что вот она творит всё более изобретательные формы, а провинция-матушка всё по старинке живёт и не даёт развернуть крылья. А только «натуру-то» не оставишь, всё из неё — из данности Господней. Не улыбнуться ли? — Александр-то Сергеич Пушкин не в бедном ли деревенском Михайловском написал своего великого «Бориса», а «Моцарта» и вовсе в Болдине — глуше некуда. А Некрасов своих мужиков в Карабихе, а Лев Николаич «Войну и мир» в родной Ясной среди соломенных крыш да спешащих по своим нуждам Тушиных и Коротаевых...

Но в такую даль можно и не ходить. Последней-то литературой «большого стиля» в конце XX века что было? Какие имена светили в полнеба — Астафьев в Овсянке, Белов в Тимонихе, Распутин в Иркутске, Балашов в Новгороде, Носов в Курске. И в начале «перестройки» провинция ещё сияла блестящим журналом «Русская провинция», соединившем Псков—Тверь—Новгород, столь определяющим, что в трудный час его торопился финансово поддержать Александр Исаевич Солженицын. А как был славен

«Литературный Иркутск» — газета молодой и сильной истории с лучшими авторами России. А «Очарованный странник» в Ярославле. А «День и ночь» в Красноярске. Только начни перечислять. Это был взлёт редкий, суливший новое слово.

Да только литературная столица не дремала и торопилась справиться «Поминки по деревенской литературе» устами Вик. Ерофеева, перекрикивала жизнь злой неправдой миллионного «Огонька», разгулявшимися перформансами и инсталляциями, хэппенингами и заёмными мюзиклами «Чикаго», «Кошки» «Нотр-Дам»... Ирония и своеволие торопились расставить локти и занять прилавки, оставив провинциальным издателям тиражи в 200—300 экземпляров. Провинциальная литература «выбыла из соревнования». Но к её чести не сдалась и работает, не останавливаясь, потому что земля Господня и она не может не родить, не

может забыть своего Божьего назначения. И всё остаётся почвой живого сознания, в которой умная столица сегодня, слава Богу, начинает видеть спасительную силу, прививаясь к потаённой, но всё живой традиции.

Так что, открыв книги победителей «Большой книги», «Ясной Поляны», «Русского букера» последних лет вы скоро увидите, что слово всё чаще оставляет асфальт площадей и софиты и сцену иронии, щегольства формы и равнодушие к родному и понемногу ищет пути к живому единству «культуры и натуры». И, Бог даст, ещё спасёт и ещё пока слишком «столичное» государство, забывшее родной дом.

А «культура», вспомнив культ неба и силы, оставит «ура» ложных игр для того чтобы, как в лучшие дни, оставаться властной, удерживающей мир вечной культурой, счастливым садом разнообразия, равноправия и единства.